

² См.: Правительственный вестн. (Омск). 1919. 22 февр., 18 июня; *Пашков П.* Ордена и знаки отличия Гражданской войны 1917–1922 гг. Париж, 1961; *Кузнецов А. О.* О Белой армии и ее наградах, 1917–1922 гг. М., 1991; *Дуров В.* Полузабытая награда // Цейхгауз. 1994. № 3; *Можсейко И.* «Поручик Голицын, надень ордена!» // Родина. 1996. № 10; *Петерс Д. И.* К истории наград периода Гражданской войны и Белого движения 1918–1922 гг. Вып. 1–2. Филадельфия, США, 1996–1997; *Мурашев Г. А.* Титулы, чины, награды. СПб., 2000; *Волков С. В.* Белое движение: Энциклопедия Гражданской войны. СПб.; М., 2000; *Плотников И. Ф.* Александр Васильевич Колчак.

Офицерский корпус белых армий Урала и Сибири в Гражданской войне

С. И. Константинов

Уральская государственная юридическая академия

В нашей истории уже не раз бывало, что политические катаклизмы напрямую отражаются как трагедия на личных судьбах представителей целых социальных слоев, пожалуй, в первую очередь. Такое воздействие всегда испытывает офицерский корпус. В массовом сознании до сих пор, да и в исторической литературе до недавнего времени, господствовало представление об офицерском корпусе периода революции и Гражданской войны как о враждебном трудовому народу едином целом.

Белогвардейский офицер стал символом Гражданской войны. Насколько сложившийся стереотип соответствует реальности? Без выяснения вопросов, что представлял собой командный состав армии России к концу Первой мировой войны и каково его отношение к революции, не может быть достаточно полно осмыслена вся история великого социального разлома начала века.

К началу мировой войны общая численность командных кадров вооруженных сил России составляла немногим более 53 тыс. человек¹. К октябрю 1917 г. в прапорщики, первый офицерский чин в военное время, произведено было около 220 тыс. человек², т. е. в 4,5 раза больше, чем было всех кадровых офицеров накануне войны. Необходимость подготовки такого количества командного со-

става диктовалась тем, что кадровый состав основного рода войск – пехоты понес тяжелые потери уже в боях первых месяцев войны и был «добит» во время летнего отступления 1915 г. В результате к осени 1917 г., как отметил историк А. Г. Кавтарадзе, в пехотных полках командный состав можно было разделить на две неравные, резко отличавшиеся друг от друга части – кадровых офицеров (главным образом начавших войну младшими офицерами), в какой-то степени еще сохранивших свои сословные признаки, и офицеров военного времени, которые в своем подавляющем большинстве представляли мелкую и среднюю буржуазию, интеллигенцию, служащих, выходцев из рабочих и особенно крестьян.

Первые составляли около 4 % от всего офицерского состава (т. е. 1–2 кадровых офицера на полк), остальные 96 % были офицерами военного времени. Причем не менее половины от общего числа офицеров военного времени составляли прапорщики, выпущенные во второй половине 1916 г. и в 1917 г. Многие из них вообще не имели боевого опыта. Не было у них и высокой теоретической подготовки – свыше 50 % не имели даже общего среднего образования³.

Материальное положение подавляющего большинства младшего офицерства было тяжелым, жалование 2000 руб. в год являлось в 1917 г. мизерным. Фактически, если офицер не имел иных доходов, уровень его благосостояния даже по пролетарским стандартам был низок. К тому же за годы войны произошла девальвация рубля, и если другие слои населения хотя бы частично компенсировали последствия этого, то жалование офицеров оставалось неизменным⁴.

Поэтому положение о том, что офицерский корпус русской армии был «буржуазно-помещичьим» или что он состоял, «как правило», «в подавляющем большинстве» из выходцев или представителей «эксплуататорских классов» – неправомерно ни для времени накануне Первой мировой войны, ни тем более для осени 1917 г.

Офицерский состав армии отнесся к свержению самодержавия без активного противодействия, а в своем большинстве даже сочувственно. Достаточно сказать, что даже самые «верхи» армии высказались за отречение Николая II от престола. Это были и начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев, и все главнокомандующие армиями фронтов.

«Я считал себя совершенно свободным от всяких обязательств по отношению к монархии, – вспоминал А. В. Колчак, командовавший тогда Черноморским флотом, – и после совершившегося переворота стал на точку зрения, на которой я стоял всегда, – что я, в конце концов, служил не той или иной форме правительства, а служу родине своей, которую ставлю выше всего... Я приветствовал революцию»⁵.

Настроение казаков выразил командир 1-го Оренбургского казачьего полка войсковой старшина А. И. Дутов, избранный в марте 1917 г. председателем Совета «Всероссийского союза казачьих войск». В сентябре 1917 г. он писал: «Казачество упрекают в приверженности монархии и корят тем, что бывшие цари милостивы были к казачеству... Пусть за старый строй идет кто-либо другой, а казачеству он достаточно известен: и любви к нему никогда не было, да и никогда не будет...»⁶

Тем не менее Февральская революция значительно осложнила положение офицерского корпуса. Приказ № 1 Петроградского Совета вырвал Петроградский гарнизон из-под власти офицерства. «В течение первых недель Новой Власти, – отмечалось в альбоме «Белая Россия», вышедшем в Нью-Йорке в 1937 г., – совершился разгон старшего командного состава, выразившийся весьма внушительной цифрой 150 лиц»⁷.

Выступление Корнилова в конце августа 1917 г. внесло раскол в среду офицерства, разделив его на сторонников военной диктатуры и ее противников, образовало непреодолимую пропасть между командным составом и солдатской массой, вызвав ненависть ко всем офицерам независимо от их служебного положения и социального происхождения.

Прошла волна самосудов над офицерами. Так, 29 августа в Выборге было убито 11 офицеров 42-го Отдельного армейского корпуса вместе с его командиром генералом В. А. Орановским. Только из строевых частей действующей армии в этот период было изгнано около 10 тыс. офицеров⁸.

Кадровый офицер, известный в будущем атаман Г. М. Семенов, позднее писал: «Революционное правительство (т. е. Временное. – С. К.), несомненно, сознательно бросило офицерский корпус на произвол звериных инстинктов охамевшей, развращенной

толпы, подстрекаемой агитаторами на всякие эксцессы против интеллигенции вообще и офицеров в особенности»⁹.

А. Г. Кавтарадзе, исходя из определенной им цифры численности офицерского корпуса на октябрь 1917 г. – 250 тыс., сделал попытку подсчитать, какое количество офицеров встретило Октябрьскую революцию враждебно и сразу же, немедленно, выступили против нее с оружием в руках по всей стране. Он получил цифру максимум в 5,5 тыс. офицеров, т. е. менее 3 % от их общей численности. Таким образом, подавляющее большинство офицерского корпуса заняло по отношению к Октябрьской революции выжидательную позицию¹⁰.

Как же отнеслась новая власть к офицерам? Первым и крупным актом большевиков по проведению в армии выборного начала было решение Совнаркома от 9 (22) ноября 1917 г. о смещении Верховного главнокомандующего генерала Духонина и назначение на этот пост прапорщика Н. В. Крыленко¹¹. Судьба Духонина известна – растерзан солдатами. Заместителем Крыленко был назначен тоже прапорщик, он же Главком армиями Западного фронта, А. Ф. Мясников. После этого кампания по проведению выборов командного состава развернулась широко.

Кстати, именно за неявку с докладом новому Главнокомандующему был арестован 12 ноября и провел 4,5 месяца в тюрьме командующий 5-й армией генерал В. Г. Болдырев – будущий Главком армии Уфимской Директории. Родился этот генерал в Сызрани, в семье крестьянина, занимавшегося кузнечным ремеслом. Отречение Николая II совершилось на глазах Болдырева, бывшего тогда генерал-квартирмейстером штаба Северного фронта, и у него же в первое время хранился сам акт об отречении. Добавим, что в октябре 1922 г. В. Г. Болдырев добровольно сдался советским властям во Владивостоке, мотивируя свое решение угрозой России с Запада и что «в могущей возникнуть борьбе мое место только здесь, среди моего народа»¹².

Приказом Н. В. Крыленко № 976 от 3 (16) декабря 1917 г. узаконивалось упразднение офицерских чинов и званий и ношение погон, вводилась выборность командного состава до командира полка включительно. (Заметим, что, исходя из текста приказа, специалисты высокого класса были нужны только до полка, не выше.)

При этом избранные на любую должность офицеры, хотя бы и ниже ранее занимаемой, обязаны были продолжать службу. Неизбранные приравнивались «к остальным солдатам революционной армии» и получали содержание, положенное рядовому. Неизбранные старше 39 лет могли уйти в отставку, при этом пенсия за службу не предусматривалась. 11 (24) и 16 (29) декабря 1917 г. основные положения этих приказов были закреплены декретами ВЦИК и Совнаркома¹³.

В телеграмме командующего 7-й армии генерала Я. К. Циховича на имя Н. В. Крыленко отмечалось, что «армия уже демократизирована до такой степени, что на мировой чаше весов она исчезла и никто с ней не считается», что переустройство армии «на образец невиданный и неслыханный ни в одной из армий» и, в частности, уничтожение резерва при штабах военных округов «заставляет массу офицеров, покинувших строй не по своей воле... пойти на улицу просить подаяния». Однако, по мнению Крыленко, «в произведенной нами работе по формированию армии военные специалисты оказались излишними. Излишними они оказались и для другой работы».

По мнению же крупного военного специалиста А. А. Свечина, служившего у красных, в период слома старой армии и ее офицерского корпуса была «допущена большая ошибка», в результате которой многие тысячи бывших офицеров пополнили армии Алексева, Деникина, Врангеля и других, это – демобилизация «бывших генералов и офицеров без всякого обеспечения».

Важно отметить, что не бегство «подавляющего большинства» бывших генералов и офицеров на Юг и Восток страны, чтобы начать вооруженную борьбу с советской властью, как писали советские историки, и не «репрессии ЧК», вынудившие офицеров сделать то же, как писали белоэмигрантские авторы, а прежде всего дислокация гарнизонов русской армии по стране стала первопричиной того, как сложилась судьба того или иного офицера. Только часть из них при этом делала сознательный классовый выбор, большинство же поступало на службу, испытывая материальные затруднения или по принуждению¹⁴.

Вот история полковника А. П. Перхурова. Того самого, который возглавил Ярославский мятеж в июле 1918 г. Потомственный дво-

рянин, выпускник Академии Генштаба. Расстрелян в Москве 22 июля 1922 г. Перед судом, в тюремной камере, он написал воспоминания. Что же привело его в ряды организации Б. В. Савинкова? «Я как солдат, достигший 40-летнего возраста, – вспоминал он, – имел право на увольнение от службы. Поэтому в январе 1918 г. с соответствующими документами в кармане я был уже в дороге, направляясь через Петроград и Москву в Екатеринославскую губернию, куда перевез свою семью на время войны из Владивостока. Хотя я ехал по официальным документам как солдат, но остатки офицерской одежды, бывшей на мне, сразу же показывали каждому, что я “солдат из офицеров”. А этого было вполне достаточно, чтобы во многих случаях подвергнуться неприятностям до лишения жизни включительно. Трудно передать все затруднения, опасности и лишения, которые пришлось испытать в пути, пока я добрался до семьи. Невеселую картину застал я дома: больная жена, дочь, лишившаяся места учительницы только потому, что у нее отец – офицер, и маленький сын, ютящиеся в одной только комнате. Полное отсутствие денежных средств и сколько-нибудь ценного имущества. Найти работу бывшему офицеру в маленьком уездном городке почти на линии фронта оказалось невозможным. Я решил вернуться обратно в Москву, проездом через которую слышал о каких-то рабочих артелях из бывших офицеров, союзах и т. п. Однако в Москве оказалось, что “бывшему офицеру” трудно найти не только работу, но даже и пристанище. Время шло. Постоянной работы не находилось, остаток денег от дороги приходил к концу. Положение становилось критическим»¹⁵. Тогда и состоялась встреча с Б. В. Савинковым, финал которой нам известен.

И все же, несмотря ни на что, по подсчетам А. Г. Кавтарадзе, из 250 тыс. офицеров и генералов в 1918–1920 гг. 75 тыс. человек (30 %) сражалось в рядах Красной армии; 100 тыс. человек (40 %) сражалось в белых и других армиях против советской власти и 30 % офицерского корпуса старой армии по различным соображениям и причинам не участвовали в Гражданской войне¹⁶.

В политическом самоопределении командного состава большую роль сыграло подписание унижительного Брестского мира. Для офицерства, проливающего кровь на фронте и стоявшего за войну до победного конца, подписание мира олицетворялось с поражением,

капитуляцией перед врагом, а для некоторых служило доказательством того, что большевики действительно германские шпионы. Испытывая по отношению к себе подозрительность и недоверие, подвергаясь беспричинным арестам, взятию в заложники, заключению в концлагеря, превращению в заложников их семей, даже нейтрально настроенные офицеры превращались в ярых противников новой власти. Иначе нельзя объяснить поведение офицеров, например, во время выступления чехословаков в Челябинске в мае 1918 г., когда из 120 офицеров, служивших в Красной армии, 112 перешли к противнику и только 8 остались верны советской власти.

О политических настроениях офицерства говорит и история с Академией Генштаба, эвакуированной в марте 1918 г. в Екатеринбург. Старший класс академии, набранный из кадровых офицеров старой армии еще до Октябрьского переворота, насчитывал 216 слушателей. Впоследствии только 13 из них будут сражаться на стороне большевиков.

Высокая степень насыщенности повстанческих частей Ижевской народной армии квалифицированными военными специалистами была одной из причин, позволивших ей на первых порах одерживать победы над частями Красной армии. На 20 солдат в Ижевско-Воткинском районе приходилось в октябре 1918 г. по 1 офицеру (300 – на 3000 фронтовиков и 3000 рабочих)¹⁷.

Сегодня невозможно оспорить, что Гражданской войной со стороны белых руководили отнюдь не монархисты, а либералы (прежде всего – кадеты) и революционеры, не согласные с большевиками (главным образом, эсеры). Главные вожди белых армий – выдвиженцы кадетско-эсеровского Временного правительства. Да и на знаменах Белого движения было начертано: «К Учредительному Собранию», т. е. то же самое, что значилось и на знаменах Февральской революции. Борьба Красной и Белой армий, как заметил М. В. Назаров, вовсе не была борьбой между «новой» и «старой» властями – это была борьба двух «новых» властей – февральской и октябрьской¹⁸.

Отсюда и положение в белых армиях младших офицеров, составлявших большинство офицерского корпуса, монархизм которых, на наш взгляд, преувеличивается. По-видимому, достоверна характеристика политических убеждений Добровольческой армии,

данная генералом Я. А. Слащевым-Крымским: «Кадровое офицерство было воспитано в монархическом духе, политикой не интересовалось, в ней ничего не смыслило и даже в большинстве не было знакомо с программами отдельных партий. “Боже, царя храни” все же провозглашали отдельные тупицы, а масса Добровольческой армии надеялась на “учредилку”, избранную по “четырёххвостке”, так что, по-видимому, эсеровский элемент преобладал... Получилась мешанина кадетствующих и октябрьствующих верхов и меньшевистско-эсерствующих низов»¹⁹.

И речь здесь идет о Добровольческой армии Юга. Что же мы видим на Востоке страны? В армии адмирала А. В. Колчака числилось около 17 тыс. офицеров и генералов. Кадровых офицеров (производства до 1915 г.) насчитывалось менее 1 тыс., а офицеров военного времени (производства 1916 г. и позднее) – 15–16 тыс. Дивизиями и корпусами не командовал ни один из генералов старой армии. Видную роль играли лишь двое – М. К. Дитерихс и М. В. Ханжин²⁰.

Но и здесь отчуждение солдат от офицеров, долгое время зрешее в ходе неудачной войны и поддерживаемое левыми партиями, проявлялось отчетливо даже в казачестве. 3-й Чрезвычайный круг Оренбургского казачьего войска в сентябре 1918 г. постановил: «Офицерский союз (собрание), устроенный офицерами, теперь же прекратить как имеющий политический характер»²¹.

И, конечно же, далеко не благожелательное отношение офицеры, воевавшие в белых армиях, испытывали к тем, кто, даже и не по своей воле, попал к красным. В конце декабря 1918 г. в колчаковской газете «Свободное слово» появилась статья офицера Генштаба Язвина по поводу отношения к составу перешедшей к белым Академии Генштаба. «Полагаю необходимым, – писал он, – возбудить вопрос о предании военно-полевому суду всех офицеров... служивших у большевистской власти после 12 марта 1918 г. и получивших за свою службу большевистские деньги, и тем самым активно за плату участвовавших в уничтожении русской государственности...»²²

Призыв не остался на бумаге. В армии Колчака имелись окружные следственные комиссии для рассмотрения деятельности офицеров и чиновников, причастных к большевистской организации²³.

Надо сказать, что и красные, и белые по занятии городов в числе первых издавали приказы об обязательной регистрации всех бывших офицеров под страхом строжайших кар. Уже 23 июля Временное Сибирское правительство издает постановление: «Никакие отсрочки, равно как освобождение от призыва на службу, в войсках... для офицеров и военных чиновников в возрасте до 43 лет не допускаются»²⁴.

Заняв Пермь, командир 1-го Средне-Сибирского корпуса генерал А. Н. Пепеляев 26 декабря 1918 г. объявляет населению: «Кто не с нами, тот против нас!»²⁵, а офицерам приказывает: «Всем офицерам старой русской службы явиться к начальнику гарнизона 29 декабря в 12 часов. Неявившиеся будут считаться дезертирами и преданы будут военно-полевому суду»²⁶.

7 января 1919 г. А. В. Колчак издает приказ об отмене всех отсрочек офицерам, служащим на предприятиях и работающим на оборону. Свидетельства о болезни, «выданные во время большевизма, считать недействительными и подвергнуть переосвидетельствованию всех освобожденных от военной службы»²⁷. «Заявления офицеров о переводе на гражданскую службу, – предупреждает начальник гарнизона г. Перми 10 января 1919 г., – рассматриваться не будут»²⁸.

16 мая 1919 г. появился еще один приказ А. В. Колчака – о сокращении отпусков из армии и переосвидетельствовании всех офицеров, которые имеют свидетельства о непригодности к строевой службе²⁹, а 20 августа – о запрещении всех отпусков и отзыве в войска всех, кто в них числится³⁰.

А вот конкретная судьба младшего офицера. В архиве управления ФСК по Омской области хранится дело подпоручика колчаковского 1-го Бузулукского полка Карпенко Феодосия Семеновича. В 1917 г. он окончил Владимирское военное училище в Петрограде и получил чин прапорщика. В декабре по приказу новой большевистской власти был привлечен для подавления выступления атамана Дутова вместе со своим 170-м полком старой армии. 15 января 1918 г. Карпенко демобилизован и решил жить под Рыбинском. Однако в конце мая выехал в Бузулук за своими вещами. Здесь его застигло выступление чехословацкого корпуса. Бывший офицер был арестован чехословацким комендантом за участие в борьбе против Дутова, но сумел освободиться под поручительство офицеров быв-

шего 170-го полка. Стремясь уклониться от участия в Гражданской войне, он уходит из Бузулука в деревню с символическим названием Тупиковка и устраивается на работу учителем. Тем не менее 14 июня объявляется мобилизация в Народную армию самарского Комуча, и Карпенко не только опознан, но и привлечен к ответственности за сокрытие офицерского звания. Однако командиры нужны, и он тут же амнистирован и получает назначение в 1-й Бузулукский полк. Немудрено, что в ноябре он попадает в госпиталь с серьезным нервным расстройством.

Затем было и отступление, и присвоение, уже в Семиречье, звания подпоручика от генерала А. С. Бакича, и обморожение, и тиф. Из госпиталя Международного Красного Креста Карпенко вышел в августе 1920 г. уже на китайской территории. Еще в начале 1920 г. Оренбургская армия, в которой Бакич командовал корпусом, перешла китайскую границу и была интернирована в Синьцзяне, вблизи г. Чугучак.

Весной 1921 г. остатки белых самовольно – помимо разрешения китайских властей – под командой А. С. Бакича ушли к истокам Черного Иртыша. Их гнал голод и опасность вторжения красных, которым китайцы тайно открывали границу. Третья часть из них погибла в пути через безводные степи Джунгарии. Остальные захватили штурмом г. Шара-Сумэ. Между прочим, над штабом Оренбургской армии в Шара-Сумэ развевался красный флаг и лишь в верхнем его углу, возле древка, был нашит крошечный трехцветный треугольник.

Архивная автобиография Карпенко читается как авантюрный роман и в то же время это реальная трагедия. В лагере на почве голода началось брожение. Дошло до того, что были составлены списки желающих сдаться и тайно переданы через границу красным. В сентябре или октябре 1921 г., пишет Карпенко, к Шара-Сумэ пришла 13-я советская кавалерийская дивизия (опасения Бакича были не напрасны). Желавшие перейти были сразу же приняты, а кто не хотел вернуться в Россию, ушли куда-то в горы. Почти все солдаты были освобождены, а бывшие офицеры арестованы для производства следствия. Большая часть из них в Семипалатинске была предана суду. Сам Карпенко, в числе 40–50 человек, отправлен был в Омск³¹. А генерал-лейтенант А. С. Бакич, кадровый офицер,

георгиевский кавалер, поздней осенью 1921 г. в Западной Монголии сдался в плен. Осужден ревтрибуналом в Новосибирске в 1922 г. и расстрелян³².

Но вернемся к начальному периоду Гражданской войны. 8 июня 1918 г. в Самаре создается Комуч – комитет из членов разогнанного Учредительного собрания, состоявший в большинстве из эсеров. Самарское правительство было признано Оренбургским и Уральским казачьими войсками. Комуч приступил к формированию Народной армии. Создавать боевые части без офицерства, естественно, было невозможно. Но эсеровское правительство в глазах офицеров было наследником предавшего их Временного правительства. Начальник оперативного отдела штаба Народной армии генерал П. П. Петров вспоминал: «Мобилизованное офицерство работало неохотно, иногда протестуя против Гражданской войны. Неуверенное в успехе, оно часто держалось как-то выжидательно... если существуют у офицеров разные мнения о Керенском, то к Чернову они относятся единодушно – с ненавистью и гадливостью. Ленина и Троцкого ненавидят, пожалуй, меньше»³³.

Ему вторит генерал-лейтенант К. В. Сахаров: «Офицеры Народной армии высказывали недовольство отношением к ним и их полкам Самарского правительства, что развели опять политику, партийную работу, скрытых комиссаров, путаются в распоряжения командного состава: начали чехословаков втягивать во внутреннюю политику, проводя среди них то же, что Керенский проводил в 1917 г. в русской армии для ее развала. "...Мы не хотим воевать за эсеров. Мы готовы драться и отдать жизни только за Россию, – говорили офицеры..."»³⁴.

Вот при таких настроениях подполковник В. О. Каппель принял предложение эсеров вступить в командование 1-й Добровольческой (Самарской) дружиной. «Согласен. Попробую воевать. Я монархист по убеждению, но стану под какое угодно знамя, лишь бы воевать с большевиками. Даю слово офицера держать себя лояльно к Комучу»³⁵.

Кроме несомненных полководческих способностей Каппель обнаружил и политические. Управляющий делами Совета министров колчаковского правительства Г. К. Гинс писал: «Наряду со своими военными способностями Каппель стал обнаруживать

политические. Он, например, приказал отпускать на свободу обезоруженных пленных красноармейцев. Он был первым и, может быть, единственным тогда из военачальников, который считал “гражданскую войну” особым видом войны, требующим применения не только орудий истребления, но и психологического воздействия. Он полагал, что отпущенные красноармейцы могли стать полезными как свидетели того, что “белые” борются не с народом, а с коммунистами».

Подобная политика в отношении красных, конечно же, разительно отличалась от настроений большей части белого командования на Востоке страны. Например, приказ генерал-майора А. Н. Гришина-Алмазова фактически предоставлял карт-бланш офицерству Западно-Сибирской армии. «Каждый военный начальник должен помнить, что на театре войны все средства, ведущие к цели, одинаково хороши и законны и что победителя вообще не судят ни любящие родную землю, ни современники, ни благоразумные потомки».

Понимая, что боеспособность армии в огромной степени зависит от офицерского состава, и красные, и белые, используя печать, стремились воздействовать на патриотические чувства командиров. Приказ Главкома Уфимской Директории генерала В. Г. Болдырева, обращенный к офицерам, позволяет взглянуть на события глазами белых.

«Советская власть, – говорилось в нем, – задавшись целью разложить и уничтожить в угоду Германии русскую армию, нанесла свой первый удар офицерству, унизив их достоинство и натравив на них малосознательную часть солдат... Невзирая на неимоверные усилия лучшей части офицерства, русская армия, лишившись этого главного оплота, была доведена до полного разложения, что и привело нашу Родину к позорному Брестскому миру и порабощению России Германией. К сожалению, приходится признать, что большевистский яд разложения проник и в русскую армию, коснулся и офицерской среды. Теперь, в дни возрождения русской армии, вся тяжесть созидательной работы к ее воссозданию ложится на вас. Я сделаю все, чтобы облегчить ваш напряженный труд, окружить вас тем уважением и дать те права, без которых не может протекать плодотворная созидательная работа по укреплению мощи нашей молодой армии»³⁶.

Однако уже к августу 1918 г. выявились разные точки зрения и среди казачьего офицерства Оренбургского казачьего войска. Одни во главе с войсковым атаманом А. И. Дутовым после некоторых колебаний начали ориентироваться на консервативные силы Сибири, другие продолжали хранить верность Самарскому правительству. Это привело к тому, что когда Дутов поспешил признать переворот адмирала Колчака, была предпринята попытка свержения Дутова и Войскового правительства. По свидетельству сподвижника Дутова генерал-майора И. Г. Акулинина, в ней участвовали атаман 1-го округа Каргин, командующий Актюбинской группой Генштаба полковник Махин, несколько офицеров (не казаков) во главе с руководителем Башкирского правительства Валидовым³⁷.

Еще в августе 1918 г. открыто заявлял о своих взглядах глава группы казачьих офицеров полковник Ф. А. Богданов, призывая бороться за Учредительное собрание. Через год, 8 сентября 1919 г., он перешел со своей бригадой на сторону Красной армии и участвовал в боях против поляков, врангелевцев, басмачей.

Вполне правомерно предположить, что еще более индифферентные и даже более левые взгляды имела масса офицерства в целом. Ведь ее основу составляли младшие командиры. Распределение офицеров по чинам можно продемонстрировать на примере 15-го Оренбургского казачьего полка (данные на декабрь 1918 г.): полковник – 1, войсковых старшин – 2, есаулов – 2, подьесаулов – 3, хорунжих – 6, прапорщиков – 12, поручиков – 3, подпоручиков – 2, подпрапорщиков – 5, юнкеров – 1³⁸. Таким образом, на 5 старших офицеров приходится 26 младших, т. е. в 5 раз больше (даже не считая 5 подпрапорщиков и юнкера).

Младшие офицеры переходили, случалось, и на сторону красных. Так, приказом № 355 от 25 июня 1919 г. командующий Омским военным округом генерал Магковский лишил офицерского звания прапорщиков Н. Сергеева, Г. Гончарова и С. Сергиенкова за то, что «они состоят главарями большевистских шаяк в Томском уезде и ведут боевые действия против наших войск»³⁹.

В целом в Красной армии за годы Гражданской войны проходили службу 12 тыс. бывших белых офицеров колчаковской, деникинской и других армий, которые в ходе боев либо добровольно перешли на сторону РККА (например, штабс-капитан Л. А. Говоров, будущий

Маршал и Герой Советского Союза – командир артиллерийской батареи в армии Колчака), либо после пленения⁴⁰.

Вот судьба зауряд-прапорщика Д. И. Корепанова. Родился в семье крестьянина Вятской губернии в 1892 г. Окончил учительскую семинарию. С августа 1914 г. мобилизован и в 1915 г. получил офицерское звание. В августе 1918 г. вместе с красными отступил от отрядов Семенова из Читы в Иркутск и был разжалован захватившими город белыми за службу красным в рядовые. Призван и служил писарем в кадровом полку Сибирской армии Колчака. В декабре 1918 г. полк отправлен для борьбы с партизанами в Канский уезд и вместо этого перешел к ним. Причем все офицеры перешедшего отряда были зарублены и расстреляны, а Корепанов как рядовой в течение года продолжал воевать в составе Гасеевского партизанского отряда. Из Красной армии, где оказался позднее, демобилизован как учитель в начале июня 1920 г.⁴¹

Не было единым офицерство и внутри воевавшего колчаковско-го стана. На 3-м Чрезвычайном Войсковом круге Оренбургского казачьего войска начальник штаба 3-го Уральского корпуса генерал-майор Сукин (кстати, потомок командира Преображенского полка, которым его предок командовал при Петре I⁴²) докладывал, что «нашлись отдельные лица и среди офицеров, примкнувшие к большевикам. Отбрасывая эти единицы, генерал указывает, что все остальное офицерство разбилось на две части, из которых одна признала необходимость вести борьбу, не складывая оружия; другая часть, видя бесполезность такой борьбы до тех пор, пока массы не переболеют большевизмом и не изживут его, временно сложила оружие, выжидая событий. Но когда время борьбы настало и началось восстание масс, эта часть офицерства поголовно, включая даже стариков, встала в ряды бойцов. Генерал считает должным заявить, что эта последняя часть офицерства также честно исполняла свой долг перед войском, как и первая, и ни в коем случае нельзя признать основательными те отношения, которые приходится наблюдать со стороны многих представителей 1-й группы к группе 2-й. Заканчивая свою речь, генерал Сукин призывает офицерство прекратить эти счеты и прийти к примирению между собой»⁴³.

Раскол проходил и внутри кадрового офицерства. Потомок декабриста И. А. Анненкова, Борис, окончил Одесский кадетский

корпус и Московское военное Александровское училище, т. е. был кадровым офицером. Храбро воевал на фронте во главе партизанского отряда. В декабре 1915 г. Николай II вручил ему Георгиевское золотое оружие – пашку с надписью «За храбрость». И вот его отношение к офицерам старой армии: «Старых генералов я считал хламом, – вспоминал Анненков после Гражданской войны, – такое убеждение у меня сложилось еще на германском фронте. Поэтому я отвергал всех старых генералов и назначал молодых командиров, чем оздоровил начальствующий состав... Кадровые офицеры избегали идти в мой отряд... настоящей причиной чаще всего являлось нежелание служить под командой нижних чинов...»⁴⁴

Офицеры же военного времени, преобладавшие в войсках Комуча и адмирала Колчака, тем более в большинстве своем, как показали последующие события, не стали прочной основой режиму военной диктатуры. А на завершающем этапе Гражданской войны даже ускорили его падение на Востоке страны.

По словам офицеров-перебежчиков, командный состав армий Колчака не доверял штабным работникам бывших войск Комуча – офицеров-социалистов сажали в тюрьмы.

То, что уже весной 1919 г. колчаковское командование не доверяло части офицерства, доказывает и тот факт, что еще тогда, например, штаб 2-го казачьего корпуса потребовал произвести переоценку всех офицеров, как строевых, так и нестроевых, в смысле их «надежности и верности принципам и идеалам, за которые борется российская армия». Циркуляр требовал «неблагонадежных офицеров решительно отстранять и допускать к замещению офицерских должностей твердых и испытанных подпрапорщиков и подхорунжих...»⁴⁵.

Однако выполнению подобных предписаний мешало одно обстоятельство. Генерал для поручений при Колчаке М. А. Иностранцев отмечал, что в формировавшихся частях «был сильный некомплект офицеров, так что чины последних далеко не соответствовали занимаемым ими должностям... Полками командовали иногда капитаны, а ротами – прапорщики, и причем без боевого опыта. Все это должно было, конечно, отражаться на подготовке этих молодых частей»⁴⁶.

Офицерский корпус армии Колчака быстро сокращался. Только за полтора месяца боев – с 1 сентября по 15 октября 1919 г. – убитыми и ранеными Уфимский корпус потерял 480 офицеров, Волжский – 224, Уральский – 227, Степная группа – 57⁴⁷. Им на смену приходила интеллигенция, в основном учителя, настроенные проэсеровски. Командный состав уменьшился не только за счет боевых потерь, но и в результате дальнейшей эволюции мировоззрения колчаковских офицеров, приводившей к переходу в Красную армию. Например, только в составе красных войск, сражавшихся в районе Иркутска (январь 1920 г.), их насчитывалось уже 635⁴⁸.

Да и те, кто оставались, в военном отношении оставляли желать много лучшего. Не кто-нибудь, а военный министр правительства Колчака генерал А. П. Будберг 14 августа 1919 г. записал в своем дневнике: «Наряду с небольшим числом настоящих дельных офицеров прибывают (на фронт) целые толпы наружно дисциплинированной, но внутренне распушенной молодежи, очень кичащейся своими погонами и правами, но совершенно не приученной к труду и к повиновению долгу; умеющей командовать, но ничего не понимающей по части руководства взводом и ротой в бою, на походе и в обычном обиходе. Очень много уже приучившихся к алкоголю и кокаину; особенно жалуются на отсутствие душевной стойкости, на повышенную способность поддаваться панике и унынию; свидетельствуют... что очень часто неустойчивость и даже трусость офицеров являются причинами ухода частей с их боевых участков и панического бегства»⁴⁹.

Была и еще одна причина противоречий среди офицеров. В докладе политотдела 3-й Красной армии в августе 1919 г. подмечено: «Среди офицерства за последнее время стал намечаться большой раскол. Молодое офицерство, большей частью выпуска военного времени, стало в оппозицию старому кадровому офицерству. Раскол этот, с одной стороны, вызван тем, что в то время как молодое офицерство, находясь все время на фронте, несет всю тяжесть войны при далеко недостаточном материальном обеспечении, старое офицерство со звездочками и погонами на плечах окопалось в тылу. С другой стороны, молодые офицеры в массе настроены против Колчака, так как они не сочувствуют идее реставрации. Многие

из них были бы склонны сдаваться в плен, но если до сих пор этого не было, то только потому, что боялись это сделать, веря слепо тем глупым слухам о зверствах большевиков, которые распускал высший командный состав».

Большое воздействие на офицерский корпус колчаковских армий оказал размноженный в листовках приказ № 92 по войскам Восточного фронта председателя РВСР Л. Д. Троцкого «О запрещении применения репрессий по отношению к солдатам и офицерам – перебежчикам, сдавшимся или захваченным в плен».

Колчаковское командование, в свою очередь, стремилось повлиять на политическое самоопределение бывших офицеров, находившихся в частях Красной армии. 23 мая 1919 г. А. В. Колчак подписал листовку «От Верховного правителя и Верховного главнокомандующего к офицерам и солдатам Красной армии», изданную миллионным тиражом. В листовке говорилось, что «все добровольно пришедшие офицеры и солдаты будут восстановлены в своих правах и не будут подвергнуты никаким взысканиям, а наоборот, им будет оказана всякая помощь».

Практика Гражданской войны на Урале и в Сибири показала офицерству, что советское командование, особенно после решений 8-го съезда РКП(б) и поражения так называемой «военной оппозиции», стало проводить лояльную политику как в отношении своих военспецов, так и в отношении офицеров-перебежчиков из белых армий. Противоборствующая сторона этим похвалиться не могла. Начальник штаба армии Верховного правителя генерал-майор Д. А. Лебедев был вынужден отдать специальный приказ: «...по собственному почину и под влиянием прокламаций офицеры, находящиеся на территории советской власти, переходят на нашу сторону... В одних местах их принимают на службу, в других расстреливают на месте... Для установления единого взгляда при решении этого вопроса предлагаю перебежавших офицеров отправлять (по расследовании обстоятельств перехода и снятия показаний перебежавших) в штабы округов...»

Если в 1918 г. – первой половине 1919 г. идейно-политическая борьба за офицерство шла с переменным успехом, а в ряде эпизодов Гражданской войны, например, при Пермском сражении, чаша

весов склонялась на сторону Колчака, то с лета 1919 г. белогвардейская пропаганда не давала ощутимых результатов среди военспецов Восточного фронта⁵⁰.

Началом перелома в этом отношении можно назвать окончание Первой мировой войны. С этого момента все больше было ясно, что большевики защищают хотя бы и красную, но Россию, а их противники находятся в зависимости от иностранных правительств. Безусловно, играло роль и изменение военного положения на фронте.

Воздействие на патриотические слои офицерства оказала, например, листовка РВС Восточного фронта «К офицерам Колчака». В ней говорилось, что «проливая свою кровь в борьбе с нами, вы защищаете не “единую и неделимую Россию”, а проценты по займам французских и английских банкиров»⁵¹.

Оказавшись перед дилеммой: большевистская диктатура или колчаковская, большая часть офицерства сделала свой выбор в пользу первой, выбрав из двух зол, как они считали, меньшее. Верное, на наш взгляд, объяснение происходившему в это время среди военной интеллигенции процессу дал репрессированный впоследствии военный историк А. Анишев: «Это не было разложением офицерства. Это было разложением той среды, откуда офицерство вышло. Городская мелкая буржуазия колебнулась от Колчака, как только она увидела, что борьба с большевиками это вовсе не есть борьба за ее требования»⁵².

2 июня 1920 г. Совнарком принимает декрет о бывших офицерах, еще оставшихся в лагере белогвардейцев. Советское правительство в этом документе умело использовало рост патриотических настроений бывших офицеров в связи с попытками Польши отторгнуть земли Украины и Белоруссии.

Декрет обещал, что «все те бывшие офицеры, которые в той или другой форме окажут содействие скорейшей ликвидации остающихся еще в Крыму, на Кавказе и в Сибири белогвардейских отрядов и тем облегчат и ускорят победу рабоче-крестьянской России над шляхетской Польшей, будут освобождены от ответственности за те деяния, которые они совершили в составе белогвардейских армий»⁵³.

В ответ на обращение Особого совещания при Троцком, подписанное в числе других и А. А. Брусиловым, и декрет от 2 июня 1920 г. группа бывших колчаковских офицеров Приуральского военного округа обратилась 8 июня 1920 г. к военному комиссару с заявлением о том, что для них не будет более «почетной службы, чем служба родине и трудящимся», которым они готовы отдать себя всецело на служение «не только в тылу, но и на фронте»⁵⁴.

Мало известна дальнейшая судьба офицеров, оказавшихся после разгрома Колчака в Маньчжурии и Китае. Раскол продолжался и там. Трагична судьба и красных военных специалистов. Но это уже отдельная тема.

¹ Буравченко А. А. В ногу с революцией. Демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции. Киев, 1988. С. 7.

² Спирин Л. М. В. И. Ленин и создание советских военных кадров // Военно-исторический журнал. 1965. № 4. С. 11.

³ См.: Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе республики Советов, 1917–1920 гг. М., 1988. С. 26–27.

⁴ См.: Войнов В. М. Офицерский корпус белых армий на востоке страны (1918–1920 гг.) // Отечества. история. 1990. № 6. С. 51.

⁵ Арестант пятой камеры. М., 1990. С. 283–284.

⁶ Чирухин Н. А. Идеино-политическая программа белоказачьего движения на Южном Урале в годы гражданской войны // Казачество на государственной службе: Материалы науч. конф. Екатеринбург, 1993. С. 96.

⁷ Белая Россия: Альбом № 1. СПб.; М., 1991. С. 11.

⁸ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 31.

⁹ Семенов Г. А. О себе: воспоминания, мысли и выводы. Харбин, 1938. С. 44.

¹⁰ См.: Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 37.

¹¹ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 63–65.

¹² Болдырев В. Г. Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1925. С. 7–12.

¹³ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 72–73.

¹⁴ См.: Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 38–49.

¹⁵ Перхуров А. Исповедь приговоренного. Рыбинск, 1990. С. 5–6.

¹⁶ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 177.

¹⁷ Войнов В. М. Офицерский корпус... С. 53.

¹⁸ Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 39–40.

¹⁹ Слащев-Крымский Я. А. Белый Крым. 1920 г. М., 1990. С. 40.

²⁰ Эйхе Г. Х. Уфимская авантюра Колчака. М., 1960. С. 291.

²¹ Войнов В. М. Офицерский корпус... С. 52.

- 22 ЦДООСО. Ф. 221, оп. 2, д. 104, л. 12.
- 23 Там же. Д. 221 а, л. 206.
- 24 Там же. Ф. 41, оп. 1, д. 118, л. 18 об.
- 25 Там же. Д. 119, л. 38.
- 26 Там же. Д. 124, л. 8.
- 27 Там же. Ф. 121, оп. 2, д. 221 а, л. 75.
- 28 Там же. Л. 287.
- 29 Там же. Л. 164.
- 30 Там же. Л. 256.
- 31 АУФСКОО. Д. 50 279.
- 32 Казачий круг (Екатеринбург). 1994. № 1.
- 33 *Петров П. П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930. С. 27, 30.
- 34 *Сахаров К. В.* Белая Сибирь: (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Мюнхен, 1923. С. 11–12.
- 35 *Щепихин С. А.* Под стягом Учредительного собрания // Гражданская война на Волге в 1918 г. Прага, 1930. С. 187.
- 36 *Войнов В. М.* Офицерский корпус... С. 55, 57.
- 37 *Акулинин И. Г.* Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками, 1917–1920 гг. Шанхай, 1937. С. 102–103.
- 38 *Войнов В. М.* Офицерский корпус... С. 57.
- 39 ЦДООСО. Ф. 221, оп. 2, д. 221 а, л. 228.
- 40 См.: *Стеганицев М. В.* Создание и развитие Советских Вооруженных Сил в документах Государственного архивного фонда СССР: Стенограмма науч.-практ. конф. М., 1988. С. 28.
- 41 АУФСКОО. Д. 50 295.
- 42 ЦДНИОО. Ф. 7924, оп. 1, д. 153, л. 51.
- 43 *Войнов В. М.* Офицерский корпус... С. 57–58.
- 44 *Петрушин А.* Тайна атамана сибирских казаков // Наше время (Тюмень). 1992. 17 апр.
- 45 *Войнов В. М.* Офицерский корпус... С. 59.
- 46 ГАРФ. Ф. 5960, оп. 1, д. 8 а, л. 61.
- 47 *Сахаров К. В.* Белая Сибирь. С. 153.
- 48 *Соскин В. Л., Красильников С. А.* Об особенностях борьбы за интеллигенцию в восточных районах страны (1917–1920 гг.) // Интеллигенция и революция, XX век. М., 1985. С. 223.
- 49 Дневник белогвардейца. Новосибирск, 1991. С. 295.
- 50 *Войнов В. М.* Офицерский корпус... С. 59–60.
- 51 *Катков Н. Ф.* Агитационно-пропагандистская работа большевиков в войсках и тылу белогвардейцев в период 1918–1920 гг. Л., 1977. С. 85.
- 52 *Анишев А.* Очерки истории гражданской войны, 1917–1920. Л., 1925. С. 239.
- 53 Декреты Советской власти. М., 1978. Т. 9. С. 7–8.
- 54 *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты... С. 169.